

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 9-О12-7

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

29 марта 2012 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Коваля В.С.,

судей Колышницына А.С. и Тришевой А.А.

при секретаре Собчук Н.С.

рассмотрела в судебном заседании дело по кассационной жалобе осужденного Кострова И.В. на приговор Нижегородского областного суда от 30 декабря 2011 г., по которому

Костров И.В. _____

_____ несудимый,

осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на 1 год с установлением ограничений, указанных в приговоре.

Кроме того, он осужден по ч. 1 ст. 318 УК РФ с учетом положений ч. 5 ст. 72 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 20 000 руб., который постановлено исполнять самостоятельно.

Заслушав доклад судьи Тришевой А.А., изложившей обстоятельства дела и содержание кассационной жалобы, объяснения осужденного Кострова И.В. по доводам жалобы, выступление адвоката Вишняковой Н.В., поддержавшей доводы, изложенные в кассационной жалобе, мнение прокурора Химченковой М.М. об оставлении приговора без изменения, а кассационной жалобы – без удовлетворения, Судебная коллегия

установила:

Костров И.В. признан виновным в убийстве Р [] с особой жестокостью.

Кроме того, он признан виновным в применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, и угрозе применения насилия в отношении представителей власти и их близких в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей.

Преступления совершены в ночь на 10 мая 2011 г. в городе [] [] при обстоятельствах, установленных судом и изложенных в приговоре.

В кассационной жалобе осужденный Костров И.В. указывает, что приговор является незаконным, необоснованным и несправедливым. Полагает, что он основан на недопустимом доказательстве. Считает, что судом неправильно применен уголовный закон, а наказание несправедливо ввиду его чрезмерной суровости.

В судебном заседании осужденный дополнил свою жалобу, при этом указал, что, нанося потерпевшему большое количество ударов, он лишь добивался его смерти, не имея намерений причинить ему особые страдания. Полагает, что суд необоснованно отказал ему в ходатайстве о проведении повторной психолого-психиатрической экспертизы. Считает, что заключение экспертов, проводивших стационарную психолого-психиатрическую экспертизу, является недопустимым доказательством, так как оно не соответствует предъявляемым требованиям. Кроме того, экспертами не исследован вопрос о возможном совершении им преступления в состоянии аффекта. Просит приговор отменить и дело направить на новое разбирательство для более полного исследования обстоятельств убийства потерпевшего и проведения повторной стационарной психолого-психиатрической экспертизы.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы, содержащиеся в кассационной жалобе, Судебная коллегия находит выводы суда о виновности Кострова правильными, основанными на совокупности исследованных в

судебном заседании доказательств, которые подробно приведены и надлежаще оценены в приговоре.

Так, в ходе предварительного следствия Костров не отрицал, что именно он причинил Р [REDACTED] колото-резаные ранения, используя для этого канцелярские ножницы, которые он приискал на месте преступления. Данное обстоятельство он подтвердил и в судебном заседании. Не оспаривает осужденный факт нанесения потерпевшему ударов ножницами и в своей кассационной жалобе.

Что же касается доводов осужденного о том, что, нанося потерпевшему множественные удары, он лишь добивался его смерти, не имея намерения причинить ему особые страдания, то судом они проверены и отвергнуты.

По смыслу закона, убийство признается совершенным с особой жестокостью в том случае, если оно осуществлялось способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых мучений.

Судом с достаточной полнотой исследованы обстоятельства, характеризующие направленность умысла осужденного при причинении ранений потерпевшему, при этом во внимание принято фактическое поведение виновного на месте преступления.

В приговоре правильно указано, что о проявлении особой жестокости виновного в процессе лишения жизни потерпевшего свидетельствуют:

выбор осужденным орудий преступления (ножниц), обладающих поражающими свойствами, способными причинить смерть;

нанесение большого количества ударов (не менее 46) с причинением множественных колото-резаных ранений (не менее 55), то есть явно излишних, не обусловленных целью лишения жизни;

длительность причинения телесных повреждений (в течение 60 минут);

оставление в теле потерпевшего орудия преступления (наличие ножниц в раневом канале у наружного угла левого глаза);

нанесение ударов с силой, достаточной для повреждения жизненно важных органов (левого легкого, диафрагмы, печени, кровеносных сосудов; множественных переломов ребер, образовавшихся в результате деформации грудной клетки в процессе нанесения ударов колото-режущими орудиями).

С учетом приведенных обстоятельств суд пришел к обоснованному выводу о том, что избранный Костровым способ лишения жизни связан с причинением потерпевшему особых мучений, который не мог не охватываться умыслом осужденного, непосредственно выполнившего объективную сторону состава данного преступления. В связи с этим действия Кострова правильно квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное с особой жестокостью.

В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК РФ повторная судебная экспертиза назначается в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта либо при наличии противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам. Иных оснований для проведения повторной судебной экспертизы уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Изучение материалов уголовного дела показало, что предусмотренных законом оснований для назначения повторной судебной психолого-психиатрической экспертизы у суда не имелось.

Так, по результатам первичной амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы экспертами было рекомендовано проведение стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы с целью исключения установочного поведения испытуемого. При этом каких-либо суждений по поставленным следственными органами вопросам эксперты не высказали.

Согласно выводам экспертной комиссии, проводившей стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, Костров обнаруживает признаки истерического расстройства личности, что, однако, не лишает его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В период совершения инкриминированного ему деяния он не находился в состоянии какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности, а был в состоянии простого алкогольного опьянения, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В настоящее время он также может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.

Обоснованность этих выводов не вызывает сомнений, поскольку они основаны не только на материалах представленного экспертам уголовного дела, содержащего полные и достоверные сведения об осужденном, но и результатах обследования Кострова в специализированном медицинском учреждении стационарного типа.

Компетентность экспертной комиссии у суда также не могла вызвать сомнений, поскольку в ее состав вошли эксперты высшей и первой категории, специализирующиеся в области судебной психиатрии и судебной психологии, имеющие опыт работы в этой сфере деятельности свыше 10 лет. Заключение содержит ответы на все поставленные вопросы, при этом выводы не противоречат содержанию исследовательской части заключения, в котором подробно описаны методы и методики, использованные при психодиагностическом обследовании Кострова.

С заключениями первичной и последующей экспертиз Костров был ознакомлен, замечаний не высказал и о проведении повторной экспертизы не ходатайствовал.

В судебном заседании оспариваемое осужденным экспертное заключение исследовалось, в том числе в связи с ходатайствами стороны защиты о назначении повторной экспертизы. Каких-либо нарушений при назначении экспертизы, ее проведении и оформлении результатов экспертного исследования, судом не установлено.

Судебной коллегией такие нарушения тоже не выявлены.

Не приведены какие-либо конкретные обстоятельства, которые могли бы послужить основанием для назначения повторной экспертизы, и осужденным, ограничившимся в своей кассационной жалобе лишь указанием на то, что данное экспертное заключение является недопустимым доказательством.

Между тем в приговоре приведены убедительные мотивы, на основании которых отвергнуты доводы осужденного о нарушении закона при производстве экспертизы и отклонено его ходатайство о признании экспертного заключения недопустимым доказательством.

Утверждение Кострова в суде кассационной инстанции о несоответствии экспертного заключения предъявляемым требованиям не конкретно и надуманно. Тщательное изучение содержания оспариваемого заключения позволяет утверждать, что оно по форме и содержанию отвечает предъявляемым уголовно-процессуальным законом требованиям.

Довод осужденного о том, что экспертами не исследован вопрос о совершении им преступления в состоянии аффекта, является голословным и опровергается содержанием самого заключения, согласно которому в момент совершения инкриминированного деяния Костров не находился в состоянии аффекта или ином эмоциональном состоянии, оказывающим существенное влияние на его сознание и деятельность.

Судебная коллегия находит убедительным ссылку в приговоре на то, что желание осужденного опорочить данное экспертное заключение обусловлено избранной им позицией о совершении преступления в состоянии невменяемости, которая этим доказательством опровергается.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает порядок, в соответствии с которым производство по уголовному делу в отношении отдельных категорий лиц, наделенных особым статусом, в том числе адвокатов, ведется в общем порядке, но с определенными изъятиями, связанными с предоставлением им дополнительных процессуальных гарантий.

Одной из таких гарантий является особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении указанной категории лиц и привлечения в качестве обвиняемого, который направлен на создание дополнительных мер защиты от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Так, в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Эти требования закона при решении вопросов о возбуждении уголовного дела по факту деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и о привлечении адвоката Кострова в качестве обвиняемого по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ органами расследования выполнены.

Так, из материалов дела следует, что уже при обнаружении в адвокатской конторе труп Р [] органы расследования располагали сведениями о том, что находившийся в этом же помещении Костров, сообщивший об обнаружении трупа и ожидавший сотрудников милиции, является адвокатом, то есть лицом, обладающим особым процессуальным статусом, уголовное дело в отношении которого возбуждается в особом порядке (л.д. 39-42 т. 2, л.д. 210-213 т. 1).

Однако достаточных и достоверных данных о причастности к данному преступлению Кострова, которые могли бы послужить основанием для возбуждения уголовного дела в отношении его, не имели.

Такие данные были получены только в 19 часов 50 минут 11 мая 2011 г. при допросе Кострова в качестве подозреваемого, в ходе которого он признал факт убийства Р [] (л.д. 81-85 т. 1).

Между тем необходимость проведения неотложных следственных действий требовала незамедлительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела, которое и было принято в 5 часов 20 минут 10 мая 2011 г., то есть сразу после обнаружения трупа (л.д. 1 т. 1).

При таких обстоятельствах уголовное дело правомерно было возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

13 мая 2011 г. адвокату Кострову предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при этом решение о привлечении его в качестве обвиняемого было принято руководителем следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, как это и предусмотрено п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Таким образом, по уголовному делу, возбужденному по факту обнаружения трупа Р [REDACTED] предусмотренная ст. 448 УПК РФ процедура следственными органами соблюдена. Следовательно, проведенные в рамках данного уголовного дела следственные действия, направленные на установление обстоятельств убийства Ростова, являются законными, а полученные по их результатам доказательства – допустимыми.

Что же касается возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, то Судебная коллегия находит, что при решении данного вопроса органами расследования не в полной мере выполнены требования УПК РФ.

Уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось.

Более того, названный закон обязывает должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, соблюдать установленные ст. 140-146, 153 УПК РФ требования, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве.

При этом определение того, является ли вновь обнаруженное преступное деяние составной частью события преступления, по которому ранее уже было уголовное дело возбуждено, или оно образует самостоятельное событие преступления, по признакам которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции органов, осуществляющих уголовное преследование.

Приведенные положения уголовно-процессуального закона согласуются с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 21 октября 2008 г. № 600-О-О.

Поскольку применение не опасного для жизни и здоровья насилия в отношении представителя власти и угроза применения такого насилия образуют самостоятельное преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 318 УК РФ, то по данному деянию, как не являющемуся составной частью ранее возбужденного дела об убийстве, надлежало возбудить дело о новом преступлении.

Что касается момента возбуждения уголовного дела, то уголовно-процессуальный закон связывает его с моментом, когда органами расследования получены достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Как видно из материалов уголовного дела, рапорт старшины милиции Г [] о совершенном в отношении сотрудников милиции преступлении поступил следователю 10 мая 2011 г. (л.д. 43 т. 1).

11 мая 2011 г. по обстоятельствам этого преступления был допрошен Г [] который пояснил, что при задержании Кострова, последний оказал сопротивление сотрудникам милиции (л.д. 1 т. 2).

В тот же день по этим обстоятельствам был допрошен Костров И.В., который пояснил, что приехавшие на место преступления сотрудники милиции применили к нему насилие, и он стал кричать на них (л.д. 81-85 т. 1).

Получив сообщение о новом преступлении, совершенном Костровым в отношении сотрудников милиции, следователь обязан был выполнить требования ст. 144 УПК РФ, а именно: проверить данное сообщение и не позднее 3 суток со дня его поступления принять решение о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Эти требования закона им не были выполнены, что повлекло нарушение гарантированных законом прав и интересов осужденного Кострова, в отношении которого, при соблюдении установленного ч. 1 ст. 144 УПК РФ трехсуточного срока рассмотрения сообщения о преступлении, уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, надлежало возбудить в особом порядке, установленном п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Согласно информации, представленной Палатой адвокатов Нижегородской области, статус адвоката Костров И.В. утратил 1 июня 2011 г. (л.д. 197 т. 4).

До указанного времени (до 1 июня 2011 г.) сообщение о совершенном преступлении не проверялось и решение о возбуждении уголовного дела не принималось.

Уголовное дело по данному факту было возбуждено 3 октября 2011 г., при этом решение принято следователем следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области. 10 октября 2011 г. тем же должностным лицом Кострову предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 318 УК РФ, и уголовное дело направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения.

Таким образом, при наличии повода и оснований, достаточных для принятия решения о возбуждении уголовного дела в установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок, решение данного вопроса органами расследования было перенесено на период, когда Костровым был утрачен статус адвоката.

Судебная коллегия считает, что перенесение момента возбуждения уголовного дела по сообщению о преступлении на более поздний срок, при наличии повода и оснований для принятия такого решения в период, когда осужденным не был утрачен особый процессуальный статус, фактически лишило последнего возможности воспользоваться предоставленными законом дополнительными гарантиями со стадии возбуждения уголовного дела.

Несоблюдение установленной уголовно-процессуальным законом процедуры возбуждения уголовного дела, повлекшее лишение или стеснение гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, влечет за собой недопустимость собранных по делу доказательств.

Несвоевременное возбуждение уголовного дела по сообщению о применении насилия в отношении представителей власти и угрозы применения такого насилия повлекло иное нарушение закона, выразившееся в том, что следственные действия проведены и доказательства, обосновывающие обвинение в этом преступлении, получены до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по данному факту.

В соответствии с ч. 1 ст. 156 УПК РФ предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, то есть с момента вынесения соответствующего постановления. До возбуждения уголовного дела не допускается производство следственных действий, за исключением тех из них, производство которых до возбуждения уголовного дела допускается в силу прямого указания на это в законе (ч. 2 ст. 176 УПК РФ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 25 января 2007 г. № 13-О, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ч. 1 ст. 156, ч. 1 ст. 157, ч. 2 ст. 162), предусматривая, что предварительное расследование, включая проведение

неотложных следственных действий, начинается с момента возбуждения уголовного дела, и допуская при этом возможность производства в ходе проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела отдельных следственных действий, в частности назначения экспертизы, не предполагает произвольное, за рамками возбужденного уголовного дела или проводимой в соответствии со ст. 144, 146 УПК РФ проверки сообщения о преступлении, производство следственных действий.

Требование УПК РФ о проведении следственных действий в рамках возбужденного уголовного дела обусловлено тем, что стадия возбуждения уголовного дела является обязательной при производстве по делу, так как с акта возбуждения дела начинается публичное уголовное преследование и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий, связанных, в том числе, с поиском и собиранием доказательств, формулированием обвинения и его обоснованием, которые должны проводиться при соблюдении установленного УПК РФ порядка с предоставлением участникам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, предусмотренных законом гарантий, обеспечивающих защиту со стадии возбуждения уголовного дела.

Вопреки этим требованиям закона свидетели Г [] С [] и Р [] [] допрошены до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела о преступлении, о котором они давали показания. Так, Г [] допрошен 11 мая и 19 сентября 2011 г., С [] – 6 июня, 12 и 26 сентября 2011 г., Р [] – 15 августа и 12 сентября 2011 г., в то время как постановление о возбуждении уголовного дела вынесено 3 октября 2011 г. Таким образом показания названных свидетелей получены за рамками уголовного дела, то есть с нарушением требований УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

С учетом требований закона эти показания свидетелей не могли быть положены в основу обвинения Кострова в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, следовательно и не могли использоваться при составлении обвинительного заключения.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в случае, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, уголовное дело подлежит возвращению прокурору для устранения этих нарушений.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении № 18-П от 8 декабря 2003 г., предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ основание возвращения уголовного дела предполагает не только дефекты самого обвинительного заключения, но и предшествовавшие ему нарушения уголовно-процессуального закона, включая нарушения, допущенные в стадии возбуждения уголовного дела.

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия находит, что приговор в части осуждения Кострова по ч. 1 ст. 318 УК РФ подлежит отмене, а дело в этой части возвращению прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона.

В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций», суд второй инстанции праве возвратить дело прокурору в целях устранения нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных на стадиях, предшествующих судебному производству, и повлекших лишение или стеснение гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, исключающих возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, если это не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору по указанным основаниям Судебная коллегия исходит из того, что устранение допущенных нарушений возможно путем повторного возбуждения уголовного дела по тем же правовым и фактическим основаниям и проведения в рамках надлежаще возбужденного уголовного дела повторных следственных действий, в том числе допросов потерпевших. Проведение названных следственных действий не связано с восполнением неполноты ранее проведенного предварительного следствия, поскольку по смыслу закона, восполнение неполноты ранее проведенного следствия предполагает производство следственных и иных процессуальных действий, направленных на доказывание обстоятельств, которые не были установлены в ходе ранее проведенного следствия, но должны были быть установлены в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

В ходе устранения допущенных процессуальных нарушений необходимо обратить внимание на содержание показаний потерпевших Г [REDACTED], С [REDACTED] Р [REDACTED] поскольку обоснованность их утверждения о реальности высказанных Костровым угроз вызывает сомнения.

Так, в ходе первоначальных допросов потерпевшие сообщили лишь о том, что Костров оказал сопротивление, при этом не уточнили, в чем конкретно выразились его действия, которые, как следует из содержания протоколов, ими не оценивались как представляющие какую-либо опасность (л.д. 1-2 т. 2).

При последующих допросах потерпевшие конкретизировали свои показания в части описания действий Кострова, при этом заявили, что высказанную последним угрозу они «расценили как слова возбужденного человека», поэтому «оснований опасаться осуществления этой угрозы у них не имелось». В связи с этим они отказались привлекать Кострова к уголовной ответственности по данному факту, указав об этом в протоколе допроса (л.д. 4-6, 27-29 т. 2).

В ходе допросов, проведенных в стадии окончания расследования, потерпевшие изменили свою позицию и утверждали, что у них «имелись основания опасаться осуществления угрозы, высказанной в их адрес Костровым» (л.д. 43-45 т. 2).

Между тем из материалов дела следует, что Костров был задержан сразу по прибытии на место преступления сотрудников милиции Г [] и С [] которые, применив силовой прием, уложили его на пол и надели наручники, после этого на место преступления прибыл сотрудник милиции Р [].

Таким образом, угрозу применения насилия Костров высказывал, находясь в наручниках, в положении лежа на полу, в окружении троих сотрудников милиции, вооруженных табельным оружием и спецсредствами, при этом был в состоянии алкогольного опьянения, и в силу этого состояния, как следует из показаний потерпевших, «вел себя то спокойно, то агрессивно, высказывая при этом угрозы».

Между тем диспозиция ч. 1 ст. 318 УК РФ, устанавливающая ответственность за угрозу применения насилия в отношении представителя власти, предполагает признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления.

Данное обстоятельство обязывает органы расследования установить не только наличие самой угрозы, но и то, что она была намеренно высказана виновным для устрашения потерпевших с целью подавления их воли к продолжению действий, совершаемых в отношении его, и в форме, дающей потерпевшим основания опасаться ее воплощения.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 377, 378, 379 и 388 УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

приговор Нижегородского областного суда от 30 декабря 2011 г. в отношении **Кострова И [] В []** в части осуждения по ч. 1 ст. 318 УК РФ отменить и дело в этой части направить прокурору Нижегородской области с целью устранения нарушений уголовно-процессуального закона.

Этот же приговор в части осуждения Кострова И.В. по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год оставить без изменения, кассационную жалобу осужденного – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи

